

20 апреля исполнилось 125 лет со дня рождения композитора

Валида Келле

Настоящее признание больших художников, если оно не случилось при жизни, идет вслед за их земной жизнью. Но бывает по-иному...

Если бы не инициатива двух ведущих музыкальных вузов — Московской консерватории, организовавшей конференцию и небольшой фестиваль камерной музыки Н.Я. Мясковского, а также РАМ им. Гнесиных, посвятившей концерт произведениям композитора, можно было бы сказать, что художник из близкого прошлого, художник классической высоты Николай Яковлевич Мясковский интересуется нас мало.

Н. Мясковский (ученик Лядова и Римского-Корсакова) получил признание при жизни и вошел в историю музыки XX века как крупнейший русский симфонист. Тем не менее, имя Мясковского чрезвычайно редко встретишь на концертных афишах. (Радостно, что в Англии были записаны все симфонии мастера Е.Светлановым!). В среде профессионалов (нацеленных на внешнюю новизну) встречается равнодушие или даже пренебрежение — старомодно! — возможно оттого, что стиль Мясковского не ломает традицию, а развивает ее в самобытной форме. Широкая аудитория, естественно, лишена возможности знать музыку композитора и судить о том, почему она оказалась в тени. На сайте Н. Мясковского (www.myaskovsky.ru) есть письма иностранных меломанов, суть которых сводится к вопросу — «что, в России Мясковский совсем неизвестен?».

Видимо, выход из ближайшего прошлого и отодвигает для нас сокровенно-хрупкое творчество Мясковского чем-то «более актуальным» (порой грубым и пошлым). Я думаю, в этом сказывается сознание (и даже боязнь) несоответствия заданной композитором нравственной высоте. И может случиться, что его музыка вовсе покинет нас, как духовная роскошь, до которой мы не смогли дотянуться.

Вспомним личность Н. Мясковского, которая сказала без слов в его музыке. Возможно, проекция мировоззренческой природы личности Николая Яковлевича на день сегодняшний прояснит нам что-то очень важное...

«История наша сделала такой бросок, что между вчерашним и нынешним оказалась какая-то пустота, психологически болезненная, как раскрытая рана», писал В. Ходасевич в эссе «Колеблемый треножник» о событиях революции, вылившейся в гражданскую войну. Рану эту можно было залечивать разными способами. Создавать искусство «для пролетариата», низвергнуть искусство дворян, «графьев» или «мещанского нытика» П. Чайковского. А можно было сохранить нечто, преемственное прежней жизни, дореволюционным представлениям и ценностям, сохранить опору на ценности вечные. В этом, без сомнения, видится мне предназначение Н. Мясковского. Он был непререкаемым авторитетом для современников, по существу главой московской композиторской школы (более 70 учеников!), центральной фигурой в Ассоциации Современной Музыки, Союзе композиторов, худсоветах коллегиях, жюри конкурсов и т.д. Все крупные музыканты исполняли его музыку. Мясковский имел колоссальное влияние на атмосферу отечественной музыки. Однако, его последний ученик Борис Чайковский говорил, что в воздухе словно висело — «Бей его!». Первые комсомольцы Московской консерватории объявили Мясковского главой «буржуазного направления в музыке». Надо отдать им должное — они лучше многих из нас уловили у Мясковского богатый, внутренне свободный, независимый дух, присущий большому искусству.

По времени рождения Н. Мясковскому суждено было соединить две эпохи. И не просто разное время — эпохи Царской и Советской России. В революционную Россию Мясковский, дворянин с либерально-демократическими взглядами, вошел вполне сложившимся 36-летним человеком. На фотографии молодого Николая Яковлевича в офицерской форме можно заметить его сходство с последним российским императором, о чем сам композитор рассказал как-то в семье Ламмов. Шел он однажды по Арбату, его останавливает милиционер и говорит: гражданин, надо причесочку-то переменить. Вы уж очень на императора похожи. Вас так могут и стукнуть.

Жизненный путь Мясковского притягивает не разнообразными «сюжетами», а совсем другим — редкой духовной полнотой и теми личными качествами, которые выразились в лаконичной характеристике его современников — «художественная совесть нашей музыки».

Кадетский корпус, инженерное училище – служба не мыслилась без занятий музыкой. Сначала частные уроки игры на рояле, теории, затем тайное (от начальства) поступление в Петербургскую консерваторию в классы К. Лядова и Н. Римского-Корсакова. Не было и речи о том, что можно пропускать уроки или не выполнять заданий! И с детства привыкший к дисциплине Мясковский удивительным образом успевал все. В консерватории молчаливый 25 летний офицер сдружился с рыжеволосым, огненно-темпераментным пятнадцатилетним Прокофьевым. Сегодня сетуют – нет настоящей дружбы между композиторами, как между Мясковским и Прокофьевым! Но Мясковский умел дружить по-настоящему (доверительно и верно) и с В.Держановским, и с П.Ламмом, и с Б.Асафьевым, и с исполнителями – К.Сараджевым, Е.Копосовой-Держановской, и с учениками. Кстати, в возвращении Прокофьева на родину, СССРию, Мясковский сыграл определенную роль – его личность была одним из притягивающих Прокофьева центров.

В самом начале первой мировой войны Мясковский был мобилизован в саперные войска и попал на австрийский фронт. Он испытал «угощение» артиллерийским огнем, смерть друзей, плен и ожидание расстрела. И все же физическое и нервное напряжение не заглушает творческую энергию. Композитор пишет музыку, записывает русинскую колядку под Львовом, которая зазвучит в Пятой симфонии. Не знаю, поймут ли Николая Яковлевича его потомки, узнав, что он имел право на освобождение от мобилизации (дворянское происхождение, ранняя смерть матери). Поверят ли, что никогда ничего не добиваясь для себя, он всегда охотно хлопотал за других, старался помочь.

Во время февральской революции Мясковского избирают в полковой комитет представлять солдатские интересы (а ведь тогда солдаты нередко устраивали самосуд над офицерами!). Достоинство и терпимость в отношениях между людьми были естественны для Николая Яковлевича. Профессор Мясковский не давил на учеников, был требователен, но осторожен в замечаниях. «На уроках Н.Я. высказывался скупой, даже как-то робко, — вспоминал А. Хачатурян. — Но студенту нужно было быть начеку».

Как воспринял Мясковский октябрьские события? Конечно, в какой-то степени он разделял настроения русской интеллигенции, которая во многом революции способствовала, стремилась к переменам, желая парламента «как в Англии». Однако реальность оказалась иной. Очутившись в тылу, в революционном Петрограде, он увидел вдруг вместо тех несчастных, погибающих на фронте, толпу озверевших и мародерствующих. И испытал ужасное разочарование, даже потрясение от того, что произошло. Потрясением была и гибель отца, отставного военного инженера. Находясь в деревне, Яков Константинович накинул свою шинель. И был растерзан толпой, увидавшей человека в генеральской форме.

Шестая симфония (1923) воссоздает смятенный мир этого времени — «во имя чего?». Ни одно из созданных в 20 годы произведений искусства не прорывается столь открытым трагическим пафосом, как Шестая Мясковского. В её финале после цитирования тем песен французской революции (как многообещающего символа) введенный в состав симфонии хор поет старообрядческий стих: «Что мы видели? Диву дивную ... Как душа та с телом расставалась, расставалась, да прощалась. Как тебе та, душа, на суд Божий и-дить, а тебе та тело — во сыру мать землю». Оплакивая Россию, напоминая о Божьем суде совести, автор кончает симфонию чистым «надземным» пением оркестра. Это ли не подлинно христианская природа чувства, примиряющая непримиримое, снимающая боль... Мясковский, по определению Б.Чайковского, стремился к светлоте, полагая это основой и жизни, и творчества.

От жизни страны Мясковский не отстранялся и не мыслил себе жизни в другом месте. Лишь раз выехал за рубеж — на открытие в Варшаве памятника Шопену, а оттуда — в венское издательство «Universal Edition». Свои впечатления он высказал в письме: «Там жизнь приспособлена к обывателю, от этого есть, видимо, покой и возможность работать. Но жить там я бы не хотел: люди все какие-то деловые и занятые только своими делами».

Ракурс «художник и власть» сегодня вызывает большой интерес. Сегодня можно услышать недоумение – Мясковский, кадровый офицер, он же мог уйти на Дон, в Белую армию, отстаивать Россию прежнюю. Но он примирился с действительностью. Как и А.Блок, не отрекшийся от страны после революции. Блок пришел в первую писательскую организацию. Читал нескольким солдатам в пустой, нетопленной аудитории лекции о литературе. Болеть болезнями Родины, страдать ее страданиями, сораспинаться с нею — таков удел немногих, таков удел лучших. Объявлять Мясковского диссидентом, равно как и приспособленцем нет оснований. Не все, увидев у него в

библиотеке подлинники Маркса, Энгельса, понимали, что это не идеологическая декорация. Всё, в частности, куда идет Россия, он хотел понять сам. Мясковский глубоко таился, был независим, пугающе смел, хотя и стремился защитить свою душу от расспросов и допросов. В 1942 году написал в кантату «Киров с нами» (об убитом народном любимце). Позже прямо-таки сюрреалистическую кантату «Кремль ночью», где главное действующее лицо — ключница, а вовсе не тов. Сталин! Вспомним, что появилась Кантата в 1947 году, а в начале 1948-го грянуло Постановление ЦК ВКП(б), где Мясковский был лично поименован (случайное ли это совпадение?) как композитор «чуждого советскому народу» направления.

Что же это за таинственные симфонии, вызывающие у иных мину разочарования? Распространено мнение, что Николай Яковлевич — типично советский (законопослушный, работающий) художник. Не только «красного флага над Кремлем не сбросил», напротив, писал такие симфонии, как «Колхозная», «Авиационная». Неправедливые, наносные, поверхностные представления о композиторе — откуда они? (Сколько сочинений о партии, революции, о вождях, о стройках социализма было создано другими музыкантами — и ничего!).

Что касается 16-й симфонии, то её замысел связан с реальным событием — катастрофой самолета «Максим Горький» в 1935 году на празднике авиации. Это была чрезвычайно крупная по своему масштабу (для того времени) катастрофа — погибли 11 членов экипажа и 38 пассажиров, в том числе 6 детей — на самолете разрешили «прокатиться» участникам создания авиагиганта, работникам ЦАГИ с семьями. Более того, вскоре родилась легенда, что в самолете намеревались лететь Сталин и его свита. И это было покушение на тирана. Впрочем, название «Авиационная» дано симфонии не автором, а музыка самодостаточна и прекрасна в своем трагизме и поэзии. Реже говорят о других симфониях Мясковского. Скажем о 10-й, возникшей под впечатлением гравюры А. Бенуа к «Медному всаднику» Пушкина — бегущий Евгений, за ним — скачущий всадник-памятник. Образ Гиганта — всадника, растаптывающего человека, — не предвосхищает ли он начало того ужаса, который наступил в стране с конца 20-х годов. (10-я написана в 1927 году). Или вспомним 13-ю симфонию (1938) — пессимистическую страницу дневника, очень далекую от требований бодрости, от лозунгов дня... Прокофьев требовал, чтобы Мясковский прислал ноты Тринадцатой в Париж, где «в советскую бодрость уже поверили давно, но часто выражают опасения, что позади нее нет глубины содержания... И вот тут-то Ваша Тринадцатая и призвана восполнить получившийся пробел».

Конечно, отсутствие в творчестве композитора таких жанров, как опера, балет, киномузыка, делают композитора менее доступным и известным. Сочинения Мясковского (симфонически, камерно-инструментальные и вокальные) обладают глубокой сдержанностью, большой степенью интимности высказывания. Они лишены всего внешне эффектного и, возможно, малопонятны той части публики, которая привыкла, «чтобы ей подслащали пилюли». Муза Мясковского не спорит, не воюет, не поучает, не глумится, тем более не оказывает агрессивного психического давления (как это часто случается в XX веке). Она, как определил ее суть Асафьев, «выделяется крайне острым устремлением к тому, чтобы выяснить самому себе тайны своей душевной жизни...».

Люди, знавшие Мясковского в жизни, на вопрос «а не был ли он человеком сухим, угрюмым или высокомерно-холодным?», обязательно скажут о мягкости, даже стеснительности, которые со стороны и могли казаться суровостью. «Всегда очень сдержанный, совершенно не выносивший никогда наружных проявлений чувств — объятий, поцелуев, он, однако, был очень нежен и чуток в душе. Невзгоды друзей, учеников всегда его очень волновали и беспокоили», — вспоминала О.П. Ламм.

Несмотря на полученные награды — орден Ленина, звание Народного артиста СССР, конец пути художника грустный. За два года до ухода из жизни, в 1948 году он был обвинен в «формалистических извращениях», антинародности. Композитор не считал нужным официально выразить свое отношение к партийной директиве, тем более покаяться. При всей твердости духа Мясковский был настолько травмирован, что в последние минуты жизни в полубреду он называл постановление «хулиганством». Вспоминаются строки из его статьи «Чайковский и Бетховен»: «Наша чисто обывательская черта — неуважение к таланту как таковому и упрямое нежелание... оценить явление, если оно возникло на родной почве, и раболепное преклонение пред всем иноземным. Конечно, последнее — весьма ценная черта, дающая нам возможность чувствовать себя гражданами мира, но зачем она почти всегда связывается с самооплевыванием?»

С оценкой великих мы не справляемся. Так, Прокофьев умер в звании народного артиста Российской Федерации, спустя полвека не все сочинения гения (первого по уровню признания в мире из композиторов советского периода) были исполнены на Родине! Это не мы – это Запад дал высшую оценку Б. Пастернаку и И. Бродскому, присудив им Нобелевские премии... А вот Н. Заболоцкий ждет, Д. Самойлов – тоже. И другие...

Убежищем последних лет для Мясковского стала Николина гора. Увидев какую-нибудь неизвестную птицу, бабочку или цветок, он не успокаивался, пока не отыскивал их название, хотя знал он из мира растений и животных необыкновенно много. Николай Яковлевич был страстным, «профессиональным» грибником. Это неинтересно — находить грибы, случайно наталкиваясь, считал он. Надо знать, где они сейчас должны быть. Нагнется — а в руке гриб! «Это романтическое, почти потерянное на Западе чувство, — писал Асафьев, — такая музыка может родиться в стране, где еще царят степи и звезды над ними, где есть чувство простора и приволья». В нем жило почти утраченное ныне чувство первичной, Божественной природы...

Могила Мясковского на Новодевичьем кладбище вблизи могил Танеева и Скрябина.

Две существовавшие порознь линии русского симфонизма (П. Чайковского и «кучкистов») сходятся в музыке Мясковского, давая начало новому этапу отечественного классического искусства. В ней — такой певучей, родной, русской — подлинное богатство и внутренняя свобода духа, неделимость на «дооктябрьскую» и «октябрьскую». Явление Мясковского — не из тех, что обрываются.

И может быть, не сделавшись повседневным рационом сегодня, оно остается духовным ресурсом будущего?

(журнал «Мелодия», 2006, № 2. Текст предоставлен автором с разрешения редакции журнала.)